

Горные хребты стали мельче, как только войска Уэсуги выбрались на просторные земли. Земля эта, однако, была каменистой и включалась в пограничные земли Северного Синано. На ней почти не виднелись крестьянские деревни, несмотря на то, что поблизости стояла крепость Кайдзу.

Обычно крепости со временем перерастали в огромные города, охватывая приближенные деревни. Но с крепостью Кайдзу всё обстояло иначе. Ведь она служила для одной цели — защиты от северных кланов.

Стены замка были построены дугой, и они напоминали собой неполный круг. Территория крепости была мала, но воины Уэсуги не могли окружить её стены полностью, так как тыловую часть защищали горы.

Крепость Кайдзу идеально подходила для того, чтобы с малыми силами отражать многочисленные войска противника.

Осадив её, Кенсин обустроила лагерь рядом. Но из-за каменистой почвы, нельзя было провести подкоп под стенами замка.

Бросая взгляд на стены неприступной крепости Кайдзу, Мураками Ёсикие сперва направил свой взгляд на знамя, которое висит на стене. Его хозяина знают почти все воины Уэсуги, иероглифы «Хатиман» на нем видятся будто бельмо на глазу. Бельмо, которое Уэсуги не в силах стереть.

Рядом с Мураками стоят его верные слуги: самураи Суда и Инукаи. Оба не раз поддерживали его и вместе с ним бились против Канске, небезызвестного стратега дома Такеды.

— Вечереет, — ни к кому не обращаясь, промолвил Суда.

Оба самурая Мураками не отрывали глаза от знамени. Будто оно могло исчезнуть вместе с самураем, который мешал планам не только Мураками, но и Уэсуги...

Ёсикие в этот момент признался себе, что и он тоже порой смотрит и ждет, будто Канске улетучится или испарится из замка, оставив снова их в дураках. Когда дело касалось стратега дома Такеды, нельзя ни в чем быть уверенным. Ведь ему и вправду подчинялись демоны. Как иначе можно объяснить ту битву при Сиродзитого? Когда жизнь Харуны была в его руках, и Мураками тогда намеревался поставить точку в их споре. Но вмешательство Канске обернуло победу на поражение.

— Интересно, он снова появится на стенах замка? — спросил Инукаи.

Обернувшись, Мураками заметил, что не только они ждут появление Канске на стенах, но и другие воины.

Между лагерем и замком находилось определенное расстояние, длинной в упор пущенной стрелы. Так что лучники с обеих сторон не могли причинить друг другу особого вреда.

Пользуясь этим, Канске, нарядившись будто актер из театра Но, пел на стенах смешные песни. Вначале воины Уэсуги удивились, увидев чудака на стене, намазанного театральным гримом и поющего веселые, а порой и неприличные крестьянские песни.

Некоторые удалыцы пускали стрелы, чтобы сбить с того спесь. Но, узнав, что этим чудаком был не кто иной как сам Канске, воины Уэсуги пришли в замешательство. Ведь молва говорила о

нем как о человеке, который не сделает и лишнего шага без продуманного на то плана.

А в этой выходке воины не могли понять чего добивался стратег дома Такеды.

Пока Мураками предавался мыслям, на стенах появился он, с кем не раз Ёсикие сходил в битвах и один раз даже мог забрать его жизнь, ну, или отдать душу богам. Шрам от острия меча теперь всегда будет напоминать о заклятом враге клана Мураками. Даже если лорду Мураками в итоге удастся забрать его жизнь.

— Смотрите, на этот раз он не один, — показывая пальцем, удивлялись воины.

Канске вместе с двумя новыми лицами показывал небольшое представление. Трудно было сказать кем были новоиспеченные помощники стратега. Так как на них были одеты странные маски и чудные одежды, напоминающие скорее демонов, нежели мифических тварей.

Постановка была комичной, где Канске умоляюще сновал вокруг демонов, будто прося пощады. По мнению Мураками представление, конечно, было посредственным, но, к его удивлению, простым воинам нравилось. Воины Уэсуги после целого прошедшего дня принимали всё это как должное.

— Видишь, Усами? Я тебе говорила, что он не остановится на паре песенках, — донесся голос Кенсина.

Воины, увидев предводителя, выказывали знак уважения. Мураками и его помощники последовали примеру остальных. Но увидеть Кенсина вблизи — для простых воинов в этом не было ничего удивительного.

И Мураками находил это весьма разумным. Чего стоит главнокомандующий, который только и делает, что прячется от остальных в своем штабе, уткнувшись в свитки. Воины должны чувствовать связь с тем, от кого зависят их жизни, иначе армия многого не добьется...

Между тем, Кенсин неспешно приблизилась к Ёсикие и его помощникам. Девушка была одета в свои доспехи белого цвета. Цвет так любимый и почитаемый воинами сохеев.

Воины, что стояли вблизи, поначалу не решались насладиться бесплатным представлением, которое устраивалось стратегом Такеды. Но вскоре поняв, что Кенсин вовсе не против, воины, не отводя взгляда, смотрели на стены...

— Ёсикие, говорят, что ты непревзойденный лучник? Подстрели-ка этого наглеца, — с пылом проговорил Усами Садамицу.

Будучи советником Кенсина и стратегом дома Уэсуги, Усами Садамицу видел угрозу в лице Канске Харуюки. По мнению Мураками, старик испытывал неподдельный страх перед своим врагом. Что, в свою очередь, стало ясно и Кенсину, да вообще любому другому, кто надолго находился рядом с Усами. Но, похоже, сам старик этого еще не осознал.

— Полно тебе, Усами. Уже темно... И если Мураками промажет, это лишь убедит остальных в том, что его охраняет Хатиман...

В словах Кенсина была истина. Однако Мураками понял, что лежало за словами девушки. Ведь промах Мураками не только повысит Канске перед воинами Уэсуги, но и в тоже время пошатнет положение Ёсикие перед другими.

— Скажи, Мураками. Чего добивается вот такими представлениями наш враг, Канске? — спросила девушка.

Глядя на пыливый взгляд, Ёсикие понял, что сама Кенсин уже знала ответ на поставленный вопрос. Помощники Ёсикие наострили уши, не отрывая взгляда от стен замка.

— С нашей стороны пока не было проведено активных штурмов. Воины простуживаются, осадив этот замок. Однако среди воинов могло проявиться недовольство из-за этого. Мне кажется, хитрый Канске учел всё это и своеобразным образом решил привлечь внимание воинов.

Услышав мысли парня, лицо девушки засияло в улыбке.

— Верно. И я могу поклясться, что Канске нарочно оказался здесь до прибытия основных сил. Он предвидел, что его пребывание в замке поспособствует тому, чтобы наше войско осталось тут, осаждая крепость Кайдзу...

Мурками кивнул в знак подтверждения. Он и сам пришел к такому выводу. Ведь оставлять такого врага в тылу было опасно. А в данный момент Кенсин не могла позволить себе делить войско надвое. Ожидая кровавой битвы с Такедой...

Мураками знал, что в эту военную кампанию Кенсин могла взять с собой лишь тринадцать тысяч воинов. Половину войска, остальную же половину она отправила на запад, под командованием опытного генерала Какегавэ.

Перед генералом Какегавэ ставилась задача разбить недругов и защитить провинцию Эттю. Со стороны соседей и в основном со стороны кланов провинции Хида веяло нешуточной угрозой.

Мураками понимал и поддерживал стремление Кенсина добыть голову Харуны. Ведь в этом случае клан Такеда уже не сможет так яростно сражаться с кланом Уэсуги. Обстоятельства требовали, чтобы Кенсин поскорее устранила угрозу в лице Такеды и разобралась с другими врагами клана...

— Но это даже к лучшему. Учитывая отношения между Канске и Харуной, войска Такеды, наверное, спешат отбить стратега...

Голос Кенсина вернул Мурками к действительности.

— К тому же, наши воины порядком восстановились от пройденных горных дорог...

В битвах сила и состояние простых воинов играли не последнюю роль. Быстрый марш всё же был утомительным. И парень был согласен с тем, что маленькая передышка была не лишней.

— Наша госпожа не уступает ни стратегу Такеды, ни самой Харуне. У лорда Сингена мало слабостей, но одно мы знаем точно. Канске не только сила клана, но и огромная слабость... Из-за него Харуна приведет своих воинов быстрее, чем на это требуется время, — добавил старик Усами.

— Не обольщайтесь. Харуна вряд ли загонит своих воинов до истощения. Но, впрочем, состояние войск и у нас, и врагов будет приблизительно равным, — заметила девушка.

Обернувшись, Мураками понял, что к разговору прислушались не только его помощники, но и другие воины. И в этот момент парень догадался чего добивалась девушка. Ведь среди воинов

нет-нет, да проскальзывал возглас недовольства от недопонимания происходящего. Девушка зачастую поясняла в этот момент ситуацию не для Мураками, а для воинов...

Не надо было быть семи пядей на лбу, чтобы понять, что к завтрашнему утру весь лагерь будет знать то, о чем обсуждали вышестоящие самурай.

Мураками всю свою сознательную жизнь жил в Синано, чтя веру своих предков. Он с детства почитал богов, и всей душой жаждал заполучить хоть чуточку внимание высших сил, в частности внимание бога войны, Хатимана.

Стратег дома Такеды никак не походил на служителя бога войны и тем более на его земного эмиссара. Однако, если и был прок от последних битв с кланом Такеды, то Мураками казалось, что главной пользой было то, что он понял суть Канске, суть своего врага.

От Канске не веяло силой и уверенностью. И в этом была хитрость, которую любит Хатиман. Ведь Хатиман в первую очередь многолик и хитер, хитрее самой лукавой богини Инари...

С первого взгляда смотря на стратега дома Такеды, появляется такое чувство, что перед тобой весьма посредственный самурай. И он кажется таким предсказуемым, что ты не ждешь от него неожиданных ходов.

Но, как показала практика, все глубоко заблуждались.

Смотря на завершающуюся стадию представления, Мураками отметил, что все замерли на миг, вглядываясь на стену крепости Кайдзу. Парень не знал о чем думали его слуги и уж тем более сама Кенсин. Но Ёсики с удивлением постиг, что не испытывает к стратегу Такеды чувства зависти.

Вначале его обуревал гнев, когда он слышал, что есть подлецы, которые не боятся кары богов. И в его душе нарастало смятение, когда Мураками осознавал, что народная молва всё же ближе к истине...

Ведь он ревностно искал поощрение самого Хатимана. Но, к своему удивлению, Мураками признал, что не испытывал зависти. Вовсе нет. Удивительное было в том, что парень чувствовал скорее симпатию. Симпатию к врагу, которая может возникнуть и уместна лишь среди равных противников.

Конечно, Мураками соглашался с тем, что пока не был равен своему заклятому врагу. Но мысль о том, что ему представилось жить и встретить на своем пути самурая, такого противника, будоражила его кровь.

Оглянувшись, парень уловил взгляд Кенсина. Пока Мураками пребывал в раздумьях, девушка его тщательно рассматривала.

Уэсуги Кенсин была той, которую Мураками мог без лести назвать выдающимся самураем. Она в одиночку могла соперничать как с Канске, так и с Харуной. Жизнь в провинции Этиго не проходит бесследно. Ёсики начал понимать взгляды и мысли буддистов.

К своему стыду парень признавал, что в свое время недооценивал их. Братья сохеи развеяли его невежество, а война подчеркнула, что вера является оплотом дома Уэсуги...

Если можно назвать Канске эмиссаром бога Хатимана, то Мураками с легкостью признавал, что лишь Кенсин достойна называться посланницей самого Бишамонтена. В этом плане

Кенсин сражалась сразу с двумя выдающимися врагами, ведь нельзя было забывать о той, благодаря которой процветал клан Такеды, о Сингене — Тигрицей из Каи.

Ёсикие, летая в своих мыслях, не увидел чем закончилась представление. Он даже не заметил, как воины начали расходиться. Рядом с ним остались его помощники и Кенсин со стариком Усами.

— Прошло довольно много времени, враги вскоре должны объявиться, — нарушил тишину Усами.

— Наши лазутчики начеку... — ответила Кенсин.

Осмелившись посмотреть в глаза девушки, Мураками только теперь осознал, насколько она была красива. Свет, исходящей от Луны, подчеркивал неестественную бледность кожи, на фоне которой отчетливо виднелись черные длинные волосы.

Да и доспехи в белом выглядели причудливо. Однако, созерцая красоту девушки, Мураками ощутил не плотское вожделение, а чувство иного рода.

Уловив тончащую мысль, едва уловимую, парень с трепетом осознал, что в глубине души он был не прочь испытать себя не только против клана Такеды, но и против клана Уэсуги. В частности, испытать себя, выйдя на битву против Кенсина.

Видимо, девушка уловила по взгляду Ёсикие что-то такое, так как произнесла:

— Мы живем в удивительное время. Крестьяне сетуют на богов, что наша эпоха полна смут и войн. Я понимаю и разделяю их тревоги. Но в тоже время частичка моей души говорит мне другое. Ведь не будь войны, как мы узнаем кто есть кто? Как мы узнаем чего стоит каждый из нас?

Парню казалось, что речь девушки была адресована лишь ему...

— Когда в государстве беспорядок и смута, тогда и появляются преданные слуги, — добавил Усами и раскашлялся.

Кивнув словам своего советника, Кенсин продолжила:

— Не будь войны, мечи самураев затупятся, а лучшие из лучших не смогут похвастаться навыками. Разве мы не должны жаждать битвы? Биться и воевать не ради самой войны, а ради мира в стране. Разве не к этому ведет наш путь, путь самурая?

Мураками и его слуги присели на одно колено. Даже старик Усами подсуетился присесть. Казалось, устами девушки гласил сам Бишамонтен. От Кенсина исходила такая мощь, что верные слуги еще раз убедились в покровительстве бога войны, Бишамонтена, девушке.

Как только самураи встали с колен, к ним в спешке подошёл бывший предводитель пиратов, Мукуро, которого Кенсин повысила до отвечающего за лазутчиков и шиноби...

— Госпожа, враг наконец-то объявился. Такеда заняла тот холм, на который Вы вчера указывали...

— Все идет, как мы ожидали. Донесите мой приказ каждому: мы снимаемся с лагеря и уходим к горе Сайдзе...

Интерлюдия

С приходом весны, деревья и цветы зацвели по всей провинции Овари. Внутренний сад замка Киёсу радовал глаз людей клана Ода. Что и говорить, в прежнем замке Коватари не было столь изящного сада с обильными, красочными деревьями сакуры и разноцветными цветами.

Созерцая в тишине алые лепестки сакуры, Ода Нобуна находила их красивыми. Но и только. Девушка и правда не понимала почему люди умилялись этой красоте. Ведь красота цветов и сакуры длится лишь миг. Минует время, и их место займут другие цветы.

Хотя, жизнь людей была не лучше...

Из всех деревьев сакуры в саду, внимание Нобуны привлекло старое растение, которое стояло будто изогнувшись. Изогнувшись не только от тяжести лепестков, но и времени.

По мнению девушки именно это дерево было живым. Несмотря на прожитые годы и на все невзгоды, дерево не сдавалось и продолжило борьбу, борьбу за жизнь. В этом была своя красота, над которой можно было умилиться...

Рассматривая изгибы и кроны старого дерева, смятение в душе начало улетучиваться. В последнее время девушку мучило сомнение по поводу своего брата, Нобуюки.

Переехав в Киёсу, девушка оставила Нобуюки в городе Коватари. Она надеялась, что после её ухода Нобуюки опять поднимет мятеж. Но тот вел себя тихо. Даже отправленные к нему люди из ветви Ямато-но-Ками не расшевелили его.

Сагара Ёсихару видел в этом лояльность Нобуюки и каждый раз пытался убедить её сохранить жизнь Нобуюки. Однако Нобуна знала, что Нобуюки лишь выжидает удобного случая. Да и в городе Коватари всё же больше верных людей лично ей, Нобуне...

Девушка не верила, что люди могли меняться. Иной раз она улыбалась, услышав сетование некоторых самураев, которые были возмущены теми или иными проделками своих соратников. Почему-то люди слепо были уверены в том, что знали людей, с которыми им приходится иметь дело. И они не перестают удивляться, узнав, что человек на деле оказывается совершенно иным.

Всё это, по мнению Нобуны, было глупо. Ведь человек изначально может хранить в себе зачатки тех качеств, которые могут проявиться лишь в определенных условиях. В свои годы Нобуна усвоила главный урок жизни — нельзя быть уверенным в чем-либо. Ни в лояльности слуг, ни даже в своих близких...

Как бы там ни было, но лишившись доверия Нобуны раз, человек терял его окончательно. Приговор Нобуюки должен быть приведен в исполнение.

Рассматривая красоту сада, Нобуна вспомнила всё это, и она вновь приобрела уверенность.

Ёсихару стоял неподалеку, готовый в любую минуту поднести к ней сандалии. Как только девушка подозвала его к себе, парень позволил нарушить уединение девушки:

— Госпожа, разумно ли марать руки в крови близкого родственника?

Парень, сидя на коленях и переобувая Нобуну, не мог увидеть как сверкнули её глаза.

— Ёсихару, ты начал забываться! Кто ты такой чтобы давать мне советы? Я приблизила тебя к себе лишь по прихоти...

Седоволосые самураи часто недоумевали, видя рядом с лордом Сагару Ёсихару. Ведь тот в глазах самураев был никем. Вначале слуги, видя в этом каприз Нобуны, ждали когда, наигравшись с крестьянином, она отправит его прочь. И некоторые заговаривались, будто Нобуне было чужды устои общества. Устои, на которых держалось не только самурайское сословие, но и все земли Ямато...

Девушка находила это забавным. Однако её веселило то, что другие глупцы считали, что дескать Нобуна хотела создать другой уклад жизни, где самураи и крестьяне могли быть равными. Впервые услышав эти сплетни, Нобуна смеялась, не переставая.

Какую глупость люди могли родить на ровном месте! Но если и была доля истины в этих словах, то это то, что девушка ценила в людях умения. Какой прок от неумелого самурая рядом с крестьянином, который, безусловно, поможет Нобуне добиться своего?

По мнению Нобуны, было глупо так отчаянно держаться за родовое происхождение. Что делать, если род изжил себя и больше не приносит на свет достойных преемников?

— Прошу простить. Я просто беспокоился, что после убийства Нобуюки, некоторые самураи могут отвернуться от Вас...

Хоть парень и говорил искренне, девушка не удержалось и звучно рассмеялась.

— Ёсихару, как же ты далек от самураев! Ты не учиываешь то, что я для всех вас правитель. Нобуюки в первую очередь мой вассал, и, предав однажды, он уже никогда не отчистит свою честь...

— Нобуна... сама...

Иногда Ёсихару обращался по имени к ней, будто они были равны. В этот раз он, спохватившись, исправил окончание. Видя, что девушка сделала вид, что не заметила, парень продолжил:

— Я могу понять это, но почему Вы не отдадите ему приказа сделать сеппуку? Почему Вы решили убить его?

С той встрече в храме с Сайто Досаном, правителем соседней провинции, прошло немало времени. Всё шло как надо, и Нобуна с Досаном заключили тайный союз. Лишь одно омрачало настроение девушки — обстоятельство с её братом, Нобуюки.

Нобуюки любил жизнь и вряд ли согласился бы с приказом от Нобуны. По правде говоря, девушка опасалась, что братец мог в отчаянии поднять мятеж и закрепиться в городе Коватари. В этом случае, клан не только пострадал бы от внутренней войны, но и честь была бы запятнана неотвратимо. Ведь малодушие Нобуюки ляжет позором не только на его голову, но и на весь род...

Чтобы выманить Нобуюки из Коватари, Нобуна в последние дни притворялась больной. Она не раз писала матери, упрекая ее в письмах, что Нобуюки не навещает. В конце концов, слухи о болезни Нобуны сделали свое дело...

Сагара Ёсихару уже встречался с Нобуюки в замке Киёсу. И парень знал о намерениях

Нобуны. Но ему не было известно то, что в эту самую минуту, по приказу Нобуны, её слуги умертвляли Нобуюки в Северной смотровой башне...

Мураками Ёсикие

<http://tl.rulate.ru/book/2255/44710>